

Г. С. Батишев

ТВОРЧЕСТВО В ИССЛЕДОВАНИИ И ТВОРЧЕСТВО
В ДУХОВНОМ ИСКАНИИ

Вступление в сферу собственно философского исследования или поиска, в сферу собственно философского мышления, естественно, предполагает предварительную очистку наших представлений от того, что может подсказать или навязать нам превратное видение, в т.ч. от того, что в обденно-житейских стереотипах отложилось под влиянием сбивающих с толку превращенных форм самой реальности. В представлениях о ценностях самое вредное, самое пагубное - это изображение их как чего-то производного и функционально зависимо-го от потребностей, как бы последние широко ни толковались: "ценным" сказывается то, что чрезвычайно сильно надобно, выгодно и полезно или что неким образом санкционирует потребительные и утилитарные аппетиты в качестве обобщенного выражения этих аппетитов, причем как в области собственно вещественных благ, так и касательно "потребимой" культуры..." Этому взгляду приходится со всею категоричностью противопоставить принципиальную независимость ценностных критериев от как бы то ни было потребностей, ибо именно таковые критерии и суть исходные основания для суда над потребностями и над гедонизмом любого толка и сорта, включая и самые его хитро замаскированные под культурные формы и в них облаченные варианты.

В тематике творчества препятствие составляет прежде всего та плотно окутывающая его атмосфера обывательского превознесения чего бы то ни было слышущего "творческим", т.е. своего рода суверенного культа креативности, которые тем не менее ничуть не мешают весьма дерзко притязать на рассудочное вторжение якобы в самую суть творчества... Последнее наделяется такой степенью экзотичности и экстравагантности, что предстает как якобы по природе своей вненормное, не подлежащее никаким ценностям, никаким принципам. Уровень творческого состояния выглядит некоей реально достижимой и всякому доступной "телемской обителью", где осуществимо темное возделение о вседозволенности и где облакаются даже в престижные формы ин-

стинкты самоутверждения, самонавязывания другим (под именем "самовыражения", "авторского" собственности, исключительной "оригинальности" и самопревознесения. Некоторые писатели о творчестве все еще придавали значение проводившейся ими аналогии между способностью творчеству и готовностью к преступлению... В созвучии с этим, хотя бы и неявном, нередко говорят о творчестве как о чем-то "наивысшем" в человеке, "вершином". В противовес этому даже подступиться к диалектике совершенствования невозможно, если не признать начальной истины, что пределов совершенству нет и что для всякого, сколь угодно высокого достижения всегда найдется более высокое, а, следовательно, высшее для нас всегда - впереди. То, что мы находим у себя самих, заведомо есть еще далеко не самое высшее. В особенности это касается человеческой креативности. Радикальная же альтернатива самокритичному видению себя - это сознательный и неосознанный антропоцентризм, самособожествление.

Далее, творчество определяют через небывалость результатов, т.е. через "оригинальную продуктивность" как необходимый и достаточный признак и критерий творческой, креативности. Такое представление очень широко распространено и считается вполне научным... Между тем оно несет на себе последствия глубочайшего неуважения к культурно-историческому (да и внечеловеческому) Былому, к его ценностям и неисчерпанным потенциям, к его дарам, наследованию которых мы столь многим обязаны. Оно несет на себе еще влияние того отвращения взора от субъективности, того перенесения внимания на сами по себе взятые отделенные от жизни субъекты вещи или вещеподобные результаты, которое вызвано овещнением. Последнее есть редукция всех уровней действительности к аксиологическому пустому, безразличному уровню объектов-вещей, редукция практически реальная или воспроизводимая в мыслительных формах.

Напротив, уважительное и благодарное признание великого достоинства Былого как отнюдь не канувшего в прошлое, но живущего в нас опыта, позволило бы увидеть, как сильно мы исказили даже семантику слова "оригинальный": когда-то оно означало - "верный первоисточному смыслу", а ныне подразумевает неверность ничему, кроме собственного своеобразия свое-оригинальность! Самая новизна ныне представляется негативно - как продукт отталкивания, забракования и переступания через труп былого как совокупности "старого", а не как благодарное возобновление и обновленное продление вечных цен-

ностных устремленностей к Истине и Красоте, Добру и Взаимосообщительности... Это тесно связано также с подразумеванием под творческим состоянием субъекта чего-то резко альтернативного и даже противоположного состоянию благодарной верности наследию, состоянию преемствования: творить - это будто бы значит быть обязанным только своим собственным усилиям - вопреки миру, наперекор якобы некрэативной или даже анти-креативной действительности. Это - чрезвычайно опасное самослепление.

Наконец, редко ставится под сомнение возводимость творчества к категории деятельности. Считается, как правило, общим местом, что творчество есть разновидность, особый частный случай деятельности вообще, под которой слишком часто к тому имеют фактически в виду не что иное как объектно-важную активность. "Творческая деятельность" и даже "творческая активность" как привычные выражения не вызывают к себе почти никакого критического отношения. Из-за этого совершенно заслоняется возможность увидеть в творчестве прежде всего особенное отношение субъекта к миру и к самому себе, отношение, в которое вступают не только деятельность, до-пороговые и поддающиеся распрямечиванию, но даже и вне-деятельностные, за-пороговые и не поддающиеся распрямечиванию содержания и самой жизни субъекта, и мира вне его.

Как возможно человеческое творчество не вопреки миру, как чем-то якобы лишь некреативному и враждебному креативности, а в лучшем случае - безразлично-фоновому, что можно и должно "взять в скобки"? Как возможно творчество вместе с тем и под давлением каких-то факторов, каких-то детерминаций, вынуждающих делать так, а не иначе, не из-за подкупленности и рабской привязанности или негативной зависимости от чего-то ставшего, - как не вынужденное и неподкупное? Или, резюмируя, как возможно творчество в равной степени и от "вопрекизма", от сопротивления диалектике Вселенной, и от рабской зависимости от какого-то ставшего бытия в мире, но по ту сторону и того, и другого (а по сути дела "вопрекизм" и "рабство" взаимопереходят друг в друга и в конечном счете эквивалентны друг другу) - как сгармонизированное, как сопричастное тенденциям самой объективной беспредельной диалектики Вселенной? Как находящееся в смысловом родстве с нею? И как устремленное расширять и углублять это родство? - Это - вопрос об онтологическом - хотя и без тени онтологизма - статусе человеческой креативности и гду-

бинном онтологически-аксиологическом смысле ее, как отвечающем универсальному назначению и призванию человека - созидательному назначению и призванию во Вселенной. С этого именно вопроса и начинается собственно философское рассмотрение творчества.

Из самой постановки этого вопроса видно, что она предполагает критическое преодоление и снятие двух больших историко-философских и общекультурных вкладов в историю человечества: с одной стороны - субстанциализма, который все атрибуты человеческой субъектности вкладывает в субстанцию, или в Субстанцию-Субъект, по которым или в котором человек - всего лишь его самообнаружение и манифестация как монологического, все в себе преформирующего Начала и Конца, самозамкнутого и самозавершенного; с другой же стороны - анти-субстанциализма, утверждающего человеческую субъектность вопреки или якобы безотносительно к миру вне человека, к дарам-одаренностям, к преемству, уходящему своими корнями в неисчерпаемые глубины объективной диалектики Вселенной. Почему же даже постановка проблематики креативности требует преодоления этих двух тенденций, причем не только и не столько в их литературном выражении, а также и в качестве реализуемых субъектами бытийственных первоотношений к миру и себе самим, в качестве способов быть? Субстанциалистское мироотношение редуцирует творчество к не-творчеству: все, что выступает как креативное, подпадает для него под подозрение, что на самом деле это лишь нечто кажущееся, лишь якобы креативность, ибо для последней в принципе не оставляется никакой логически или концептуально правомерной возможности быть. Человек в конечном счете просто не может, не способен к творчеству в силу замкнутости его бытия внутри сферы Субстанции-Субъекта, внутри ее заранее предуготованных, предустановленных, логически преформированных содержаний, - человек может самое большее послужить самопроявлению через него этих предуготованных содержаний. Субстанциалистский мир акреативен и даже противокреативен, но ответственность за это на деле несет лишь онтологизированная ограниченность социоморфного, коллективно-антропоцентрического представления о предельном, иначальном и окончательном Миропорядке, явленном в своей неисправимой монологичности. Анти-субстанциалистское мироотношение, напротив, более всего утверждает именно все человеческое, в особенности креативное, но столь же неисправимо монологизированное его противопоставленностью какой бы то ни бы-

ло субстанциальности мира внечеловеческого, нигилизмом к последнему. Даже самый термин "онтология" в анти-субстанциалистском истолковании обрел исключительно антропологический смысл - смысл только одного лишь человеческого бытия, изъятого из всей остальной действительности и якобы вполне самодовляющего внутри себя. Тем самым анти-субстанциализм подрывает самую суть креативности - делает невозможным и безадресным творчество как первичное отношение. Более того, он разрушает всякие объективно-универсальные основания для ценностной устремленности и духовного контроля над креативностью.

Диалектика творчества открывается по ту сторону всякого антропоцентризма, всякой онтологизации и накладывания на Вселенскую действительность наших земных и социоморфных мерил, - как диалектика процесса незавершимой встречи с неожиданно иным внечеловеческим миром, каков он есть сам по себе не только на объектно-вещном уровне (это мы еще кое-как умеем), но и на всех более высоких и сколь угодно более высоких уровнях - уровнях ценностного порядка, выраженных в объективных тенденциях космогенеза. Кажется антропоцентристу-человеку, будто цели и ценности не из мира взяты, от мира независимы, будто они - дело монополично земное и человеческое, монологическое, без сущностной взаимности и сопричастности нашей всей неисчерпаемой диалектике Вселенной. На самом же деле еще гораздо важнее быть объективными, верными диалектике именно на более высоких уровнях. И чем выше, тем важнее. Творчество отнюдь аксиологически не безразлично и не самодостаточно, не самодовлекще, оно более всего нуждается в осмыслительной внимательности нашей к тому, оправдано ли оно, уместно ли, адекватно ли. Прежде чем решаться творчески изменять и преобразовывать мир вокруг себя, надо хорошенько уяснить, каким должно быть это творческое изменение и преобразование объективно, не-антропоцентристски, исходя из самого мира, его диалектических тенденций и потенциалов. Надо вслушаться в эти объективные тенденции и именно им послужить и дать им осуществиться через нашу деятельность, а не навязывать им себя, свое коллективное ^{это} и антропоцентрическое мерило. Надо себя померить Мерилом объективной диалектики космогенеза, а не мир - собой и тем, что нам нужно.

Объективность начинается с ближайшего, с отношения к себе: причем это отношение предстает как весьма далекое от непосредствен-

ности и простоты, - как многоуровневое, многоолюйное.

Первый уровень образуют собой все те феномены, которыми субъект даже и спонтанно дан самому себе, т.е. в виде совокупности которых он застаёт себя самого непосредственно доступным, явленным себе. Назовем его поэтому уровнем феноменалистским. Хотя на самом деле даже и на этом уровне нет и не может быть ровным счётом ничего такого, что было бы исключительным достоянием индивида в его выключенности из всемирных связей, т.е. чем-то совершенно безотносительным ко всей остальной действительности и самодовлеющим в себе, тем не менее кажется, будто здесь - чистая непосредственность. Кажется именно в силу автоматической стихийной доступности того потока сознания, потока актов сознания и воления, хотений, предпочтений и избеганий, т.е. избирательности, потребностей, влечений и т.п. Не нужна никакая особая работа, никакая деятельность, никакое решение особых задач, чтобы этот поток само себе не явился субъекту и чтобы субъект не застал себя в нем произвольно, "естественно". Это-то и послужило поводом к тому, чтобы здесь счесть обретенным последнее прибежище человека у самого себя, прибежище, которое надо еще больше "очистить" (как если бы это было возможно!) от соотнесенности с миром, взять весь остальной мир "в скобки", окончательно отвернуться от него. Здесь кажется наличным царство безраздельного наличия (якобы бытия!) субъекта - таким, какого никто не касается и до кого никому нет и не должно быть дела, а соответственно и кому ни до кого нет дела: индивидуальный "домен", исключительная собственность на самого себя, абсолютная изъятость из сущностной взаимности и судьбической сопричастности другим, всем другим, Универсуму в целом. Это, так сказать, без-мирное бытие, отсекающее себя от Универсума, от его диалектики.

Однако на самом деле весь этот стихийно-спонтанный поток сознания со всеми его векторами и избирательностями как раз в максимальной степени и является подверженным всем ветрам и поветриям, "за спиной" индивида налагающим поле своего влияния на него. То, что кажется индивиду наличным в качестве его собственного точечного "я", будучи взято как центр его актов сознания, потребностей, влечений и т.п. есть именно его псевдо-я, фиктивная личность, "двойник", говоря словами Ф.М.Достоевского и А.А.Ухтомского. (см. также: Флоренская Т.А. Я против "я". М., 1985). В противо-

положность феноменализму любого толка и ранга, философскому или обденному, человек объективный находит в феноменалистском слое не больше, чем просто-напросто совокупность внешних сомитомов, проявлений, эпифеноменов, за которыми или под которыми надо еще разыскать все то, что сквозь них проявляется. Главное же - произвольно-свободно подчинить феноменалистический слой тому, что существует вне и независимо от него: объективному содержанию. Дело в том, что феноменалистски данное вообще не обладает само по себе определенностью категориального порядка: оно не истинно и не ложно, не добро и не злое, не прекрасное и не безобразное: оно не категоризовано. Напротив, лежащий под ним и способный сквозь него - как сквозь прозрачный - проявиться уровень мышления с самого начала определен категориально: в измерениях познавательном, художественном, нравственном и даже общительском.

Второй слой или уровень мышления во всех названных его измерениях весь разворачивается только в деятельности, решающей задачи-проблемы, только в взаимоотношениях. Здесь все опосредствованно социокультурно и исторически: ибо каждая категория предстает субъекту не просто как его собственная, но как общечеловеческая, как вообравшая в себя опыт человечества, наследие истории. Здесь и конституируется мыслящее человека: нравственное, художественное, познающее. Оно уже здесь предстает не как простая точка-центр, но как единение и синтез векторов, каждый из которых определен степенью его культурной предметной содержательности, а не просто принадлежностью к "я". Важно не то, что нечто выступает как желание мое, а то, справедливо ли оно, оправдано ли, отвечает ли категориальным критериям-принципам. Весь этот уровень объективен по отношению к феноменалистскому, существует независимо от него и лишь через него "проявляется", "сказывается".

Однако на втором уровне решение задач мышлением происходит как создание условных, вернее относительно условных и относительно обратимых произведений-поступков, в которых всегда есть некая степень неокончательной включенности в необратимую действительность, некая степень наряду с ней бытия "в рамках" (производческих, спенических и т.п.). Серьезное не беспочвенное уточнение же заблуждение профессионалов - создателей произведений, хотя

оно возможно и не у них, и без всякой тиражируемости состоит в надевании их на то, что можно внутри произведений выполненные идеалы истины, добра и красоты просто-напросто продолжить во вне, за рамки условных границ - жизнь внешней им. Таков своего рода негносеологический идеализм авторствования. В нем лишь более ярко обнаруживается то, что свойственно всем людям вообще: принимать мыслящее за исчерпывающее.

На самом деле объективно по отношению к этому мыслящему уровню существует уровень третий - действительного бытия субъекта, субъекта в его поступках-отношениях, в его сущностной взаимности и судьбической сопричастности другим. Это действительное бытие обладает, следовательно, дважды объективностью по отношению к феноменалистскому уровню! Но что же оно есть такое? Оно, в свою очередь, образовано тремя полями.

Первое поле - поле полезностей и потребностного детерминизма, в котором что бы то ни было значимо только по заранее заданным критериям полезных эффектов, социально-групповым или более или менее индивидуализованным. Здесь действует известное своемерие человека: как Мерило всем вещам он предъявляет свои требования к миру. Он

субъект своих интересов. Он может быть и исследователем - во имя заранее заданных интересов, так что изучение вооружает его полезными знаниями, дает ему совокупность средств. В этом смысле даже и творческий поиск - путешествие в неведомые содержания за открытиями - совершается лишь ради своих потребностей-интересов, т.е. пускаясь в исследование как в путь идеальный, субъект остается,

насколько это возможно, тождественным самому себе: он - константа, постоянная величина, изменению же и ради этого - разведке и исследованию подлежит весь остальной мир как мир средств для себя постоянного. Исследование лишь усиливает возможности его своецентризма и "ценностного" своемерия, лишь делает его более способным навязывать миру свое собственное мерило...

Вообще говоря, чисто объектное и "вооружающее" исследование может - при всей собственной бездуховности - помогать, предшествовать или быть ступенью к исканию подлинно духовному. Но может оно, превращаясь в нечто самодовлекющее, вытеснить собою духовное искание и утверждаться вместо него:

Стремленью не предался и устал.
Судьбы порог переступить не смог.
Искателем так и не стал.
Вместо этого ты - исследователь:
Чужого изучатель и ведатель.

Второе поле радикально отличается тем, что в нем субъект не предается своемерному присвоению-освоению ради себя, или своей группы, а напротив, себя самого устремляет к объективно бесконечно значимым ценностям содержания. Всею себя, всю свою сущность он ввергает в этот беспредельный процесс самоустраемленности - к ценностям истинности, добра, красоты, общительства глубинного. Само его подлинное я выступает уже не как точка и даже не просто синтез векторов, но как конstellация бесконечно продленных векторов, вернее - беспредельных... Тогда как объективный исследователь даже при максимуме пространственной подвижности всегда остается аксиологически там же самым и там же, где и был, духовный искатель, напротив, сам отправляется в незавершенный путь - путь разнскания и обретения самого себя иного, обновленного, креативно преобразованного и преображенного. Тогда как логика исследования была логикой интереса для себя, по которой важно у себя, каким субъект был и там, где он аксиологически был, вооружиться интересным предметом или моделью его как средством, логика духовного искания, совсем наоборот, обязывает самого субъекта отправиться всем своим существом и своей сущностью - по логике притягательности - навстречу притягательному содержанию, войти в его предметность и, отвечая его ценностным требованиям, преобразовать себя, самому стать иным, обновленным. В этом смысле вектор притягательности противоположен вектору интереса: не к себе, а от себя прежнего - к инаковому содержанию, к его ничем не заданному своеобразию, ничем, кроме избранных и принятых субъектом ценностей.

Указанное ограничение, "кроме", преодолевается в третьем поле: таково поле открытия и созидания самих беспредельных устремленностей. Здесь все больше возрастает готовность субъекта быть объективным: не только в области признания и использования природных законов, не только в средствах, объектах-вещах, но и на людях более высоких, на сколь угодно более сложных уровнях действительности, по мере их доступности и возрастания достоинства субъекта.

Главное - ранее уже принятые ценностные ориентации не заслоняют собой иных, не преграждают пути к открытию их и обогащению ценностной сферы. Субъект обретает возможность становиться все более и более верным неявным измерениям диалектики Вселенной через все лучшее и более глубокое раскрытие и усугубление, смысловое насыщение своего универсального созидательного назначения. Это третье поле и есть поле собственно креативности - творчества на его собственной основе. Но творчество это, конечно, уходит своими корнями и в объективную диалектику Вселенной и лишь постольку, по мере наследования ее потенций, ее даров, по мере продления существующего генезиса субъекта совершается принципиально не эгоцентрически - как со-творчество.

Вместе с переходом от первого поля ко второму и от него к третьему, собственно креативному мы можем усматривать такое возрастание объективности субъекта-человека, для которого и делается открытым не только нормативные приложения ценностей, не только какие-то фрагменты их содержания, но именно безусловность, категоричность их нерелятивистичность - истинная гарантия от любого, самого хитроумно замаскированного релятивизма и нигилизма. Человек - дитя диалектики Вселенной во всем: и в средствах, и в целях, и в ценностях, в жизнесмысленных принципах своего созидательного назначения или универсального призвания - как со-творца, со-работника космогенеза. Чтобы оправданно изменять мир, человек должен, изменяя самого себя делаться достойным этого, приемля и становясь верным своему созидательному назначению. Дух объективности - тому порукой.